

There are no translations available.

«Добродетельная девица не гонится за женихами. Где это видано, чтоб мышеловка гналась за мышью?».

(Народная мудрость)

По вполне понятным этическим соображениям в этой истории изменены фамилии и имена героев, всё остальное – правда, и только правда. Из письма Бориса и Сары Гольдман адвокату, магистру права Роману Аронову:

«Мы много читали в газете «Еврейское местечко» о том, как Вы помогаете людям. А наш сын Лёва попал в большую беду. В октябре 2006 года он познакомился на дискотеке с девушкой, ее зовут Алина Караман. Очень скоро она его так «охомутала», что дело пошло к свадьбе. Но мы были категорически против этого брака – и потому, что хотели видеть его женой еврейскую девушку, и потому, что Алина старше сына, и по многим другим – поверьте, небезосновательным – причинам. Эта девушка из очень богатой семьи, у неё свой бизнес. Как только молодые договорились о дне свадьбы (а она была назначена на апрель 2007 года), Алина стала по собственной инициативе делать множество дорогостоящих покупок: купила золота на три тысячи евро, сама арендовала зал с музыкантами – поп-звездами из Румынии.

Лёва за свой счёт свозил ее в Израиль, вернул часть ее долгов в две тысячи евро, но, как вскоре выяснилось, Алина была вся в долгах как в шелках. Нас она сразу же невзлюбила, а сыном «крутила» как хотела. Закончилось тем, что Лёва сам всё понял и за несколько дней до свадьбы от женитьбы отказался.

Бывшая невеста обратилась в суд, требуя, чтобы сын компенсировал ей все расходы, связанные с подготовкой к свадьбе: на золото, музыкантов, аренду зала, свадебный стол, свадебное платье, видеосъёмку – всего на сумму 250 тысяч леев, то есть на четверть миллиона! Всё это, по ее подсчётам, и составило ее личные убытки и моральный вред. Мы поверили одному адвокату, заплатили ему наперёд крупную сумму. Но он «подложил нам свинью». Так что первый суд Лёва уже проиграл. Теперь все надежды только на Вас и на Ваше профессиональное мастерство. Помогите, пожалуйста, нашему мальчику!

С глубоким уважением, Борис и Сара Гольдман».

Интересно и то, что Лёва Гольдмана привели к Роману Аронову друзья несостоявшегося новобрачного по несчастью, тоже в своё время пострадавшие от ловких и ушлых искательниц женихов. Роман Геннадьевич когда-то помог каждому из них, и обращение к нему семьи Гольдман стало для нее той последней соломинкой, с которой связывались все надежды.

Даже тем, кому повезло в этой жизни вообще никогда не судиться, – даже им наверняка понятно, что для любого адвоката братья за уже проигранное в первом суде дело – как говорится, себе дороже. Поэтому далеко не каждый юрист соглашается «работать над ошибками» своих коллег. И тем не менее Роман Геннадьевич не счёл для

себя возможным отказать семье Гольдман, попавшей в столь серьезную жизненную переделку, тем более что он видел перед собой явно не миллионеров.

К нему дело попало, образно говоря, всё в слезах и обидах истицы. Она утверждала, что Лев Гольдман обещал ей неземное еврейское счастье, а что взамен? Одни проблемы. Она, Алина, оставила ради жениха перспективную и хорошо оплачиваемую работу в Кишиневе, чтобы переехать к нему в маленький городок. А кто это оценил?

В суде истица также рассказала, что между нею и Львом Гольдманом был заключен брачный договор.

«Мы пошли к нотариусу и всё юридически оформили, включая имущественные санкции для супруга, виновного в расторжении брака, – говорила она в суде, – а раз мы заключили брачный договор, то односторонний отказ от него есть грубое нарушение контрактных обязательств». Адвокат Алины, во всём поддерживая свою подопечную, не уставал назидательно повторять вечные истины о том, что каждый порядочный человек обязан выполнять взятые на себя обязательства, тем более если речь идет о документальном их подтверждении. Исходя из его слов, коварный Лев Гольдман должен быть наказан по всей строгости закона. Горькие слезы истицы и перечисление тех материальных и моральных лишений, которые, по ее словам, были принесены ею на «алтарь любви», не могли не растопить «лёд» судебных сердец (к слову, судьей была женщина), и в результате Льву Гольдману решением суда было предписано полностью выплатить Алине Караман названную ею сумму в четверть миллиона леев. То есть передумал жениться – плати! – такой вердикт вынес суд.

Работать над этим делом Роману Аронову было, с одной стороны, непросто, но с другой, для него, опытного и глубоко знающего своё дело юриста, стало совершенно очевидно, что его коллега «по цеху» то ли не счёл нужным опираться на Закон, то ли в силу профессиональной некомпетентности «заблудился в трёх соснах».

Давно известно, что всё гениальное – просто. С напоминания этих азбучных истин юриспруденции начал защиту интересов Льва Гольдмана и Роман Геннадьевич, выдвинув тезис о том, что суд первой инстанции при рассмотрении дела не применил те нормы права, которые в данном конкретном случае подлежали обязательному применению. Другими словами: юридически грамотное и верное истолкование всех обстоятельств дела здесь и «не ночевало».

В качестве же главного аргумента им была приведена статья 28 Семейного кодекса РМ, в которой чёрным по белому записано, что брачный договор, на который ссылались и истица, и ее адвокат, вступает в силу со дня государственной регистрации брака. Со дня, а не «до». Говоря иначе, данный документ распространяет своё правовое поле исключительно на супругов, но ни в коей мере не на жениха и невесту. Да, договор был действительным, но он, в соответствии с законом, не вступил в юридическую силу.

Но и это не всё. Роман Геннадьевич обратил внимание суда на некоторые детали, использовать которые может только весьма компетентный юрист. Так, он подметил, что и самой истицей, и судом первой инстанции было дано неверное толкование таким

совершенно разным по смыслу понятиям, как «убытки» и «расходы», фигурировавшим в заявлении истицы, и доказал, почему их никак нельзя путать или считать идентичными. Вот логика его рассуждений: убытки отражают в денежной форме ущерб, который причинен одному лицу противоправными действиями другого. Кроме того, убытки – это те отрицательные и непредвиденные финансовые потери, на которые пострадавшее лицо вынуждено пойти в целях восстановления своего имущества.

Алина Караман тратила собственные деньги по собственной инициативе и добровольно, то есть она самостоятельно, без чьего-то нажима, заключала и исполняла сделки по купле-продаже предметов роскоши и свадебных туалетов. Такие расходы ни в коей мере не могут квалифицироваться судом как убытки, так как – повторимся! – относятся к добровольным расходам самой Алины Караман, заранее ею планировавшимся. Более того, факт противоправного поведения Льва по отношению к Алине в суде не был подтверждён. Поэтому вывод один: Лев Гольдман не должен платить бывшей невесте ни копейки и не должен нести за чужие расходы имущественную ответственность. Столь убедительным аргументам Романа Аронова, основанным на глубоком знании законов, трудно было возразить.

Коллегия по гражданским делам Апелляционной палаты Кишинэу удовлетворила апелляционную жалобу Аронова, отменила полностью решение суда сектора Рышкань и вынесла новое решение, которым отказала в удовлетворении иска Алине Караман.

Итак, всё хорошо, что хорошо кончается, а мораль сей басни такова... впрочем, она настолько очевидна, что повторять ее просто не хочется.

P.S. На страницах «ЕМ» мы постоянно пишем о необходимости соблюдения законов и прав человека и о фактах их нарушения, поэтому в рамках сегодняшнего разговора нашим читателям наверняка будет небезынтересно познакомиться с некоторыми «выбранными местами» из одного документа, опубликованного 25 июля с.г. на страницах «Мониторул официал». Речь идет о докладе парламентских адвокатов о соблюдении прав человека в Республике Молдова (за 2007 год).

В нём, в частности, указывается, что, как и в предыдущие годы, более 25% от общего количества поступивших жалоб приходится на нарушение права свободного доступа к правосудию и справедливое судебное разбирательство. По мнению парламентских адвокатов, «необходимы значительные качественные изменения... в части оздоровления негативной репутации сегодняшнего молдавского правосудия и возвращения авторитета судебной системе».

Из множества отступлений от процессуальных норм и стандартов обеспечения прав каждого человека, приведенных в упомянутом докладе, выберем лишь некоторые, на первый взгляд, незначительные, но и они, по мнению Высшего совета магистратуры, также весьма красноречиво свидетельствуют об уровне нашего правосудия – как с правовой, так и с нравственной точек зрения.

Речь идет о недопустимости случаев необоснованного затягивания разбирательства

дел, о строгом соблюдении законодательных норм, регламентирующих, в частности, форменную одежду судьи; обязательном воздержании во время процесса от необоснованных замечаний, высокомерных и бестактных шуток, ответов, вопросов или комментариев, выражающих неуважительное отношение к участникам процесса; о недопустимости телефонных разговоров во время судебного заседания и других действий, отступающих от непосредственного рассмотрения дел.

Суд первой инстанции, рассмотревший иск Алины Караман, явил собой просто-таки эталонный образец таких нарушений – от отсутствия форменной одежды судьи до высокомерных и бестактных замечаний в адрес Льва Гольдмана. Так что, выходит, ставший афоризмом недоуменный вопрос классика: «А судьи – кто?» – актуален и сегодня.